

**СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БОРИСОВ –
ГЛЕБ ПЕТРОВИЧ ПИЛИПЕНКО***

**Чешско-румынские языковые контакты в румынском Банате
(на примере данных полевого исследования)¹**

BORISOV, S. A. – PILIPENKO, G. P.: Czech-Romanian language contacts in the Romanian Banat (on the example of field research data). *Slavica Slovaca*, 56, 2021, No 1, pp. 55–68 (Bratislava).

The paper deals with examples of Czech-Romanian language contacts based on data obtained by the authors during a field research in the Romanian part of the Banat, where the Czech community of Romania resides. The adaptation of Romanian contact items, cases of code switching, discourse markers, metalinguistic comments are discussed. The Czech speech of Romanians is analyzed for the first time.

Czech language, Romanian language, Romania, Banat, borrowing, code switching, language contacts, field research, narrative.

0.1 Историческая область Банат поделена между тремя государствами: большая часть принадлежит Румынии, западная часть входит в состав Сербии, небольшая область на севере относится к современной Венгрии. После австро-турецких войн в XVIII в. Банат активно заселяется, для освоивания земель приглашаются колонисты. Сегодня в румынской части Баната (жудецы Тимиш, Караш-Северин и часть жудецов Мехединци и Арад) проживают различные этнические и конфессиональные группы: румыны, венгры, немцы, сербы, словаики, цыгане, украинцы, чехи, болгары и др. В Тимиш венгров насчитывается 5,16%, цыган 2,12%, немцев 1,24%; украинцев 0,87%, болгар 0,65%; в Караш-Северине цыгане составляют 2,74%, хорваты 1,88%, сербы 1,82%, венгры 1,19%, немцы 1,11%, украинцы 0,94%. Больше всего чехов проживает в жудецах Караш-Северин (1556 чел., 0,53% населения), Мехединци (466 чел., 0,18% населения).² Колонисты первой волны из центральной и юго-западной Чехии прибыли в Банат в 20-х гг. XIX в.³ Населенные пункты их первичного расселения, а именно села Сфынта-Елена (рум. Sfânta Elena, чеш. Svatá Helena), Гырник (рум. Gârnic, чеш. Gerník), Бигэр (рум. Bigăr, чеш. Bígr), Равенска (рум. Ravensca, чеш. Rovensko), Шуми-

* Сергей А. Борисов, младший научный сотрудник Института славяноведения РАН. 119991 Россия, Москва, Ленинский пр-кт, 32 А. Глеб П. Пилипенко, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. 119991 Россия, Москва, Ленинский пр-кт, 32 А.

¹ Работа подготовлена в рамках проекта РНФ № 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств албанского-паннонского региона».

² Populația după etnie – macroregiuni, regiuni de dezvoltare, județe și categorii de localități. Rezultate definitive_RPL_2011. Volumul II: populația stabilă (rezidentă) – structura etnică și confesională. In Recensământul 2011. Institutul Național de Statistică. URL: http://www.recensamantromania.ro/wp-content/uploads/2015/05/vol2_t2.xls (дата обращения: 17.01.2020).

³ Gecse, D.: Historie českých komunit v Rumunsku. Praha: Herrmann & synové, 2013, s. 34–35.

ца (рум. řumi  , чеш. řumice) (входят в состав современного жудеца Караш-Северин), Эйбенталь (рум. Eibenthal, чеш. Eibent  l / Jevent  l / Tisov   Údol  ) (относится к современному жудецу Мехединци) расположены в гористой местности, что способствовало относительной изоляции чешской общины и сохранению до сегодняшнего дня архаических черт переселенческих говоров. В связи с тяжелыми условиями жизни, с которыми столкнулись колонисты, некоторые из них переселились в более доступные районы (город Молдова-Ноуэ (рум. Moldova Nou  , чеш. Nov   Moldova), село Златица (рум. Zlati  , чеш. Zlatice) на берегу реки Неры; окрестности городов Бела-Црква и Вршац на территории сербского Баната), происходили также вторичные трудовые миграции (напр., в города Бэйле-Херкулане (рум. B  ile Herculane, чеш. Herkulovy l  zn  ), Карансебеш (рум. Caransebe  s)).⁴

В настоящей статье анализируются данные, собранные авторами в ходе экспедиции в Румынию в сентябре 2019 г. Были записаны нарративы от информантов среднего и старшего поколения в населенных пунктах, расположенных вдоль рек Нера и Дунай (по которым проходит румынско-сербская граница), а также в селах горного Баната. Беседы с информантами проводились в селах Златица, Сфынта-Елена, Эйбенталь, Шумица, а также в городах Молдова-Ноуэ и Бэйле-Херкулане. Проведены интервью с 23 информантами в возрасте от 39 до 84 лет, общий объем корпуса звучащей речи составил 13,5 часов. Исследователей интересовало, как переселенческие чешские говоры адаптируют элементы из румынского языка, какие коммуникативные стратегии используют чехи при включении в свою речь румынских контактных явлений. Лингвистические контакты чешского и румынского языков представляют особый интерес, так как в этом случае взаимодействуют неродственные языки: чешский относится к западнославянским языкам славянской группы, тогда как румынский входит в балкано-романскую подгруппу романских языков и включается в балканский языковой союз.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы на материале собранного корпуса текстов проследить особенности адаптации заимствованных румынизмов, установить, свойственно ли для идиолектов собеседников явление переключения кода, чем это переключение обусловлено и в каком месте в высказывании оно чаще всего встречаются. Вне нашего рассмотрения остаются вопросы сематических калек.⁵

0.2. Научные исследования чешских общин за пределами Чехии, в том числе в Румынии, стали появляться после Первой мировой войны. В Праге в межвоенный период регулярно выходил журнал „Na  e zahrani  “ («Наше зарубежье»), в котором публиковались статьи, носящие в основном характер социологических обзоров,⁶ этнографических и историко-культурологических исследований.⁷ Систематическое изучение особенностей языка румынских чехов было начато во второй половине XX в. С. Утешены, участвовавший в 1960-е гг. в подготовке материалов для Чешского языкового атласа, описал диалектную основу чешских переселенческих говоров в Румынии. Колонисты прибывали из разных областей Чехии, поэтому, например, в идиоме жителей села Сфынта-Елена он отмечал преобладание черт центрально-чешских диалектов (напр., сохранение звонкости

⁴ Ibid., 38-42.

⁵ О семантических кальках в языке румынских чехов подробнее см. Ut  en  y, S.: O jazyce   esk  ch osad na ji   rumunsk  ho Ban  t  . In:   esk   lid, 1962, ro  . 49,   . 5, s. 208-209; Frnochov  , A.: Jazyk   esk   men  tiny v obci řumice v rumunsk  m Ban  t  . Diplomov   pr  ce (Mgr.). Praha: Filozofick   fakulta UK,   stav   esk  ho jazyka a teorie komunikace, 2012, s. 89-90.

⁶ Напр., Peroutka, F.: O na  ich krajanech v Rumunsku. In: Na  e zahrani  , 1921-1922, r. 2, s. 34-64.

⁷ Напр., Sch  ogl, J.: Pr  ce a zvyky na  ich vyst  ovalc   u rumunsk  m Ban  t  . In: Na  e zahrani  , 1927, r. 8, s. 185-186.

согласных в абсолютном конце слова (*dub, jed*), озвончение согласных перед гласными и одиночными звонкими согласными (*tag a tak, kouseg masa*), архаичное явление вставного *j* в случаях типа *lejží, bježel, kajždej*; окончание *-om* в местн. пад. ед. ч. прилагательных (*f třicátom štvrtom roce*), инфинитивы типа *níst, utíct, píct*,⁸ а в идиоме жителей Гырника, Бигера, Эйбенталя и Бая-Ноуэ – черты западно-чешских диалектов (напр., закрытая артикуляция гласных («ходского» типа): гласного *o*, приближение его произношения к *u* (*vujna, kipuvat*), закрытая артикуляция дифтонгов *ou* (произношение близко к *ú*: *dluhú < dlouhou*) и *ej* (произношение близко к *í*: *stíní < stejnej*); «ходское» произношение твердого *u*: *syn, bystrej*; наличие протетического *h* (*halmara*), переход *g>h* у местоимений типа *ňhdo*; долгое окончание *i* в им. пад. мн. ч. сущ. (*zlodějí, bratří*), окончание *-áčh* в род. пад. мн. ч. сущ. (*s Čechách*).⁹ Со временем в Банате образовались новые интердиалекты, для которых характерна утрата архаических признаков первоначальных окраинных диалектов и, наоборот, преобладание черт, которые распространены на большей части ареала, откуда пришли конкретные группы колонистов.¹⁰ Особенности чешско-румынского контактного взаимодействия ранее освещались в работах С. Утешены, Т. Добрицою-Александру,¹¹ Г. Чипли,¹² Й. Скулины.¹³ Частично эта проблематика затрагивается в исследованиях К. Выскочиловой¹⁴ и А. Фрноховой.¹⁵ Лингвисты рассматривают проблемы так наз. «банатизмов» в чешском языке, общих слов для языков банатского региона, исследуют лексико-семантические группы заимствованных румынизмов, обращают внимание на семантические кальки, синтаксические явления, проникающие в чешские говоры из румынского языка. За пределами рассмотрения остаются явления переключения кода, метаязыкового комментирования в условиях билингвизма, морфологической и отчасти фонетической адаптации привнесенных иноязычных элементов.

1. Рассмотрим восприятие нашими собеседниками языковой ситуации и роль румынского языка. Все информанты отмечают, что владеют румынским языком, активно используют его за пределами чешской общины, поскольку румынский язык имеет статус государственного. Знание этого языка необходимо для получения образования, устройства на работу и т.д.

(1.1) *Jo, mušime. Mi pracujeme v Rumunsku, žijeme v Rumunsku.*¹⁶ (Да, мы должны. Мы работаем в Румынии, живем в Румынии) (Златица, Л. Б.¹⁷).

⁸ Utěšený, S.: O jazyce českých osad na jihu rumunského Banátu, c. d., s. 206.

⁹ Utěšený, S.: O jazyce českých osad na jihu rumunského Banátu, c. d., s. 207.

¹⁰ Там же, с. 207-208; Utěšený, S.: Z druhé výpravy za češtinou v rumunském Banátě. In: Český lid, 1964, roč. 51, č. 1, s. 27-29.

¹¹ Alexandru-Dobrițoiu, T.: Istoricul aşezării cehilor în Banatul de Sud (Repubica Socialistă România). In: Romanoslavica, 1965, XII, s. 139-144; Dobrițoiu-Alexandru, T.: Banatismy v nárečích českých osad Svatá Helena, Gernik, Rovensko, Biger, Šumice a Clopodie. In: Slavia, 1967, roč. 36, s. 374-382.

¹² Ciplea, Gh.: Cantitatea vocalică în grauriile cehe din Banat. In: Romanoslavica, 1963, VII, s. 211-217; Ciplea, Gh.: Rumunské prvky v českých banátských nárečích v rumunském Banátě. In: Slavia, 1971, roč. 40, s. 211-219.

¹³ Skulina, J.: Zdvojené předložky do + na, na + pod, kolem + do, pod + za v českém nárečí na území rumunského Banátu. In: Naše řeč, 1974, roč. 57, č. 3, s. 149-152.

¹⁴ Vyskočilová, K.: Syntaktická analýza projevů českých mluvčích v rumunském Banátu. Diplomová práce (Bc.). Praha: Filozofická fakulta UK, Ústav českého jazyka a teorie komunikace, 2012.

¹⁵ Frnochová, A.: Jazyk české menšiny v obci Šumice v rumunském Banátě, c. d.

¹⁶ В работе используется упрощенная фонетическая транскрипция на основе чешской орфографии. Задненебный *ch* для удобства обозначается буквой *x*. Фонема /ř/ в примерах записана как *ž, ž̄* в случае, если информант произносит ее звонкий или глухой вариант без вибрации, в случаях, когда вибрация слышна, мы используем букву *ř*. Ударение отмечается только в случаях, когда оно находится не на первом слоге. Отрывки на румынском даны в стандартной орфографии румынского языка.

¹⁷ Жен., ок. 60 лет.

(1.2) Mi mluvíme česki, ano, a vite že <...> a pujdam i rumunski, mi to školu rumunsku, d'ali školu rumunsku, tak mi umime lepši rumunski. (Мы говорим по-чешски, да, а знаете, что <...> я говорю и по-румынски, мы в школе румынской учились, так что мы лучше умеем по-румынски) (Златица, Ф.Б.¹⁸).

В (1.2) информант говорит о том, что образование он получал на румынском. Сегодня система основного школьного образования в чешских общинах выглядит следующим образом: с 1 по 4 класс все предметы преподаются на чешском языке, с 5 по 8 класс преподавание ведется на румынском, за исключением предметов «чешский язык» и «история и традиции чешского меньшинства в Румынии».¹⁹

Языковая компетенция в румынском языке может разной, что зависит от степени включенности в румыноязычное сообщество, частоты контактов и возможности для практики (если речь идет о гомогенных чешских селах). Ранее чешские села были достаточно изолированные, интенсивные контакты с румынским языком были характерны для женщин, работавших за пределами общины, а также для мужчин, которые проходили воинскую службу. Среди информантов старшего возраста мы встречали утверждение, что они лучше могут выразить свои мысли именно по-чешски, а не по-румынски. В (1.3.) информант говорит о собственной языковой компетенции и использует при этом переключение кода: переходит с румынского на чешский, а затем опять на румынский, что обусловлено его прагматической ориентацией на исследователей: с одним он говорил по-чешски, а с другим – по-румынски.

(1.3) *Nu pot să spun românește, să spunem, e, clar, e, českéj umím rumu- česki dobže českéj a rumunskej rumunski e-e să spunem, și tu, nu chiar exact, sunt cuvințe, care nu pot să spun românește exact. ([Не могу говорить по-румынски, скажем, э-э, ясно], э-э, чешским владею, румын- чешским, хорошо чешским, а румынский, румынский, э-э, [скажем, я знаю, не совсем точно, есть слова, которые я не могу сказать по-румынски точно])²⁰ (Эйбенталь, С.Б.²¹).*

В конфессиональной сфере также используется чешский язык, верующие читают молитвы по-чешски. Священники, которые не владеют этим языком, проповедь произносят по-румынски. Ср. румынское высказывание информанта чеха из Эйбенталя, в котором название молитвы произносится на двух языках: по-румынски и по-чешски:

(1.4) *Tatăl nostru, spunem toată slujba în cehă, numai ce, când are predică, și restul, și Tatăl nostru, toate [rugăciunile], Tatăl nostru, Oče naš, în limbă cehă. ([Отче наш, мы говорим всю службу на чешском, только когда идет проповедь, и остальное, и Отче наш, все молитвы, Отче наш], Отче наш – [по-чешски]) (Эйбенталь, С.Б.).*

2. В нарративах обнаруживаются дискурсивные маркеры из румынского языка. По большей части их употребление характерно для среднего поколения информантов, кто ежедневно контактирует с румынами, живет либо работает за пределами чешских гомогенных сел. Для таких информантов румынский является прагматически доминантным языком.²² В нарративе они выполняют структурно-организационную функцию.²³ Приведем примеры:

¹⁸ Муж., ок. 60 лет.

¹⁹ Gecse, D.: Historie českých komunit v Rumunsku, c. d., s. 444-449.

²⁰ Орывки на румынском, в том числе слова, адаптированные в чешском идиоме, даны курсивом, а их перевод – в квадратных скобках.

²¹ Муж., 76 лет.

²² Matras, Y.: Utterance modifiers and universals of grammatical borrowing. In: Linguistics, 1998, Vol. 36, No. 2, s. 281.

²³ Подробнее см. Matras, Y.: Language contact. Cambridge: Cambridge University Press, 2009, s. 193-197. Muysken, P.: Bilingual Speech. A Typology of code-mixing. Cambridge University Press, 2000, s. 97-99.

(2.1) Srbaci mn'eli, ale češi málo. Ale diš se pravi hranice, tak co zu'stalo tadi bilo tadi, co zu'stalo tam bilo tam i punct. (У сербов была (земля по другую сторону границы), а у чехов – мало. Но когда проводят (досл. серб. «делается») границу, то что осталось здесь – было здесь, а что осталось там – было там, [и точка]) (Златица, Л.Б.).

(2.2) Tisic osumset padesát jeden, padesát tří podle cirkevního, to je s kostela, matriki, aša, z Gerniku. Nevim, jak to takle, pšišli jako vesnicki Židlice, to pšišli lidi z Židlice a vesnice Hromnice. (1851–1853 гг. по церковной, это из костела, метрической книге, [так], из Геррника, не знаю, как это так, пришли жители деревни Жидлице, пришли люди из Жидлице и деревни Громнице) (Златица, Л.Б.).

(2.3) Vama, vam potom řeknou von'i, deci bona akorat se s t'im bavi. (Вам потом они скажут, [и вот] она как раз этим занимается) (Златица, Л.Б.).

В (2.1), (2.3) румынские дискурсивные слова служат для того, чтобы подвести итог сказанному, в (2.2) – интонационно делят предложение. Румынские дискурсивные маркеры фиксируются во всех славянских миноритарных на территории Румынии. Напр., в русском языке липован Добруджи отмечаются: *aia* ‘так’, *dăcă* ‘и так’, *adica* ‘то есть’;²⁴ в языке карашевцев: *bun* ‘хорошо’, *pe părerea mea* ‘по-моему’, *deci* ‘итак’, *cum se zice* ‘как говорится’, *salut* ‘привет’, *mă rog* ‘кто его знает’;²⁵ *dăcă*, он носи свę зло сашним²⁶ (Карашево); в украинских говорах Баната: Ану, д’іўко, *adiki*, питајемо тата д’іўчины та і маму²⁷ (село Корнщцел-Банат).

3. Г. Чипля указывает, что заимствования из румынского языка в чешский относится в основном к двадцатому столетию.²⁸ В нарративах информантов выделяются полнозначные слова, заимствованные из румынского языка: существительные,²⁹ глаголы, прилагательные. Глаголы в (3.6), (3.7), (3.8), (3.9) являются полностью адаптированными и включенными в глагольную систему чешского языка. Адаптированные формы глаголов образованы от основ румынских инфинитивов, конечный гласный которых определяет конечный гласный инфинитива в чешском идиоме: *a scăpa* – *skapat* ‘убегать’; *a interesa* – *interesat* ‘интересовать’; *a folosi* – *folosit* ‘использовать’; в случае типа *a apărea* румынское сочетание *ea* преобразуется в *i* – *apariti* ‘появиться’. Об образовании чешских глаголов от основы инфинитива, а не от основы настоящего времени свидетельствует отсутствие суффиксов *-ez*, *-esc* у глаголов, расширяющих свою основу в презенте: *interes-ez*, *folos-esc*.

В (3.2) можно предположить как фонетическую адаптацию в принимающем языке (монофонизация дифтонга *oa* в суффиксе *-oaică*,³⁰ палатализация *n* перед *e* может быть обусловлена ассоциативным сближением с чешским аналогом *němec*), либо заимствование лексемы напрямую из банатского диалекта румынского, в котором присутствуют все те же самые изменения (форма *n'em̊oică* vs. лит. *nem̊oaică*).³¹ Отметим также, что румынскому

²⁴ Плотникова, А. А.: Славянские островные ареалы: архаика и инновации. Москва: Институт славяноведения РАН, 2016, с. 97.

²⁵ Конёр, Д. В.: Лексика свадебной обрядности в славянском и румынском идиомах карашевцев в исторической области Банат: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2020, с. 60.

²⁶ Радан, М.: Фонетика и фонология карашевских говора данас. Нови Сад, 2015, с. 280.

²⁷ Павлюк, М. – Робчук, І.: Українські говори Румунії. Едмонтон – Львів – Нью-Йорк – Торонто, 2003, с. 334.

²⁸ Ciplea, Gh.: Rumunské prvky v českých banátských nárečích v rumunském Banátě, с. д., с. 212.

²⁹ Существительные в разделах 3-5 относятся в том числе к общественно-политической лексике, а также к лексике, связанной с явлениями, появившимися в XX веке, с которыми чехи познакомились уже на новой территории.

³⁰ Ср. тот же процесс в языке карашевцев: Конёр, Д. В.: Лексика свадебной обрядности..., с. д., с. 59.

³¹ Конёр, Д. В. – Соболев, А. Н.: Особенности неравновесного билингвизма у румыноязычных карашевцев в селе Ябалча. In: Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2017, XXI, с. 989-990; Ursan, V.: Despre

гласному среднего ряда среднего подъема (ă в румынском графике) в чешском соответствует *a*,ср. *a apărea – aparili* (ср. также у карашевцев в селах Карашево и Ябалча³²). Интересен пример (3.10), в котором видим, как при помощи словообразовательных средств чешского языка, суффикса *-k-*, на основе румынского существительного *salvare* ‘спасение, скорая помощь’ образовалось существительное по продуктивной чешской модели – *salvarka* ‘скорая помощь’.

Не все заимствованные лексемы имеют словообразовательные форманты, чешские по происхождению. В (3.6) лексема *štiri* ‘новости’ переносится с показателем множественного числа (-i), тогда как в (3.3) у прилагательного *populară* ‘популярная’ сохраняется окончание женского рода единственного числа (-ă). Косвенным признаком иносистемного характера некоторых лексем могут служить показатели хезитации при введении их речь. Так, в (3.5) слову *curent* ‘ток’ предшествует чешский предлог *na*, дважды повторенный перед существительным (ср. чеш. *na elektřinu*).

(3.1) Nalte si *suc*, mam to. (Налейте себе [сок], у меня есть) (Златица, Ф.Б.).

(3.2) Von bil e-e ten e mad'ar. A vona bila *n'emoică*. (Он был э-э, этот, венгр. А она была немка) (Сфынта-Елена, А.С.³³).

(3.3) To je muzika *horă* <...> *populară*, rumunska <...> na to koukam do dvanact'i hod'in večer každej večer. (Это музыка [хора <...> популярная], румынская <...> я смотрю это до двенадцати часов каждый вечер) (Шумица, А.Д.³⁴).

(3.4) V Helen'e je tej za'vedli, s pomrama a s- ud'elali *canalizare*, ud'elali ten, voni to mn'eli <...> požad mn'eli problemi. (В Сфынта-Елене сейчас сделали с насосами, сделали [канализацию], сделали этот, у них были <...> все время были проблемы) (Златица, Л.Б.).

(3.5) A ten mlejn šel na vodu vite, to mlala voda <...> to ne bilo na na *curent* na- to bilo na vodu, vite. (А эта мельница приводилась в движение водой, это вода молота <...> это не было от [электричества], это было от воды, знаете) (Шумица, А.Д.).

(3.6) Von'i mi žikaji, proč ne kukam na *štiri*, viš co gde je, co se stane a povidam, to mn'e ne-inte'risa, stejn'e tomu nerozumím. (Они мне говорят, почему я не смотрю [новости], можно узнать, где что, что происходит, а я говорю, что меня это [не интересует], я все равно это не понимаю) (Шумица, А.Д.).

(3.7) Takle sme vázali ti snopki, a pak sme tajdle davali na takvej vál, a tu(h)le ten motor, už ho *nefalošime*, že uš nemlát'ime, ja mam ta(mh)le inej. (Так мы связывали эти споны, потом мы это клали на такой вал, а вот тут этот мотор, мы его уже [не используем], уже не молотим, у меня там есть другой) (Шумица, А.Д.).

(3.8) Ale ne používaji, abi si to pšíšel toho *skapal*, bi to tadi nebilo, viš. (Да не используют они, просто придет и [убежит] с этим, чтобы этого здесь не было, знаешь) (Шумица, А.Д.).

(3.9) Přišli s Čex, diš sem a'parili, a tak je xt'eli dat inam. (Они пришли из Чехии, когда здесь [появились], и их хотели переселить в другое место) (Шумица, И1³⁵).

(3.10) Při(s)jeli pro n'ej takle večer jednu v devíti hodinax s- ta *salvarka*. (За ним приехали вечером около девяти, [скорая помощь]) (Шумица, И1).

configurația dialectală a dacoromânei actuale. In: Transilvania, 2008, I, s. 83. В румынской речи чехов отмечаются случаи монофтонгизации дифтонга *oa* в *o*.

³² Конёр, Д. В.: Лексика свадебной обрядности..., с. д., с. 58.

³³ Жен., 84 года.

³⁴ Жен., 74 года.

³⁵ Жен., ок. 75 лет.

Выявленные румынские заимствования весьма распространены как в чешских говорах Румынии,ср. *skapat, kurent*,³⁶ так и в других славянских языках, испытывающих воздействие румынского; в украинском: Та так сканаў-им в ёд воїни (Зориле);³⁷ а ё і багато [пташок] шо ні дуже^и фолосит (Марицея);³⁸ ўз'или салваре до Ватра Дорней (Молдова Сулица);³⁹ та і ис курингом гата (Зориле);⁴⁰ в русском: ты мене салвала, скапала из самого тартара большого (Свистовка).⁴¹

4. Неадаптированный характер лексем четко виден в случаях использования румынским существительного с румынским предлогом. Например:

(4.1) Lazu Vlasta je redaktorka *la radio Temešvar* emisije česki a slovenskej ſeči. (Лазу Власта – редактор [на радио] Тимишоара вещания на чешском и словацком языке) (Златица, Л.Б.).

(4.2) Xod’ili po tix jag hadaji cikanki, daji žikaji zda *cu cár̄ti*, diž umiš drobe valaski, zda us tima kartama s *cu cár̄ti* a xod’ili po tak xod’ili po tix čarax, xod’ili po kostelax xod’ili fudeš, abi vid’eli jesи ten človjek živi. (Они ходили к этим, как цыганки дают, говорят либо [с картами], если ты знаешь немножко по-валашски, либо с этими картами, с [с картами], и так они ходили за этими чарами, ходили в костелы, ходили везде, чтобы увидеть, жив ли этот человек) (Шумица, А.Д.).

В (4.1) лексему *radio* можно трактовать как принадлежащую одновременно двум системам – чешской и румынской (интернациональная лексема), топоним *Temešvar* в названии радиостанции – чешский (ср. рум. *radio Timioara*). Однако предлог *la* – несомненно заимствуется из румынского языка. При этом заимствование предлогов в миноритарные славянские языки на территории Румынии – чрезвычайно редкое явление (их нет, напр., в украинских говорах Румынии),⁴² тем более удивительное для переселенческих чешских говоров, функционирующих в Банате около двухсот лет.⁴³ При этом заимствование предлогов с зависимыми словами довольно распространено, ср.: в русском говоре липован: у нас это делают и *не стил векъ* [по старому стилю], и *не стил ноу* [по новому стилю] (Периправа-Сулина).⁴⁴ Предлог *la* в нашем корпусе больше нигде не засвидетельствован. Наиболее вероятно калькирование предложных конструкций, в особенности – с составными предлогами, напр. рум. *pin la* (чеш. *do na*), рум. *pin intre* (чеш. *do mezi*).⁴⁵ В данном же случае мы наблюдаем перенос самой формы предлога. Все же следует предположить заимствование не столько предлога, сколько самой предложной конструкции, поскольку *radio* не демонстрирует признаков словоизменения, которое ожидалось бы в чешском (*na/v rádiu*).⁴⁶

³⁶ Ср. также Utený, S.: Z druh výpravy za čeština v rumunském Banátě, с. д., с. 208.

³⁷ Павлюк, М. – Робчук, І.: Українські говори Румунії, с. д., с. 312.

³⁸ Там же, с. 425.

³⁹ Там же, с. 377.

⁴⁰ Там же, с. 308.

⁴¹ Плотникова, А. А.: Славянские островные ареалы: архаика и инновации, с. д., с. 98.

⁴² Павлюк, М. – Робчук, І.: Українські говори Румунії, с. д.

⁴³ Тем не менее в других зонах славяно-романских контактов мы находим заимствованные предлоги: в резьянском диалекте отмечается заимствованный предлог *fra* (между), см. Steenwijk, H.: The Slovene dialect of Resia: San Giorgio. In: Studies in Slavic and General Linguistics, 1992, vol. 18, с. 162.

⁴⁴ Плотникова, А. А.: Славянские островные ареалы: архаика и инновации, с. д., с. 96.

⁴⁵ Frnnochová, A.: Jazyk české menšiny v obci Šumice v rumunském Banátě, с. д., с. 73-76; Skulina, J.: Zdvojené předložky do + na, na + pod, kolem + do, pod + za в чeském nářečí na území rumunského Banátu, с. д., с. 149-153; Výskočilová, K.: Syntaktick analýza projevů českých mluvich v rumunském Banátu, с. д., с. 43-44.

⁴⁶ Типологически сходные случаи на примере сербско-венгерского билингвизма описываются в Wasserscheidt, Ph.: Bilinguale Sprechen. Ein konstruktionsgrammatischer Ansatz: Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades

В (4.2) после румынского предлога *cu* использована румынская словоформа (форма мн.ч. без опр. артикля от сущ. ж.р.: *carte – cărti*). Здесь речь идет о цитации: собеседница передает речь цыганок, которые гадают на картах, при этом с формальной точки зрения явление идентично встретившемуся в (4.1) – предлог с зависимым словом из румынского языка. Интересным лингвистическим феноменом является повторное употребление этой конструкции, когда происходит удвоение предлогов: чешский и румынский предлоги используются одновременно (*s_{prepCZ} cu_{prepRO} cărti_{m,plRO}*), что с точки зрения экономности высказывания является лишним, однако встречается в других контактных ситуациях.⁴⁷ Показательно, что само предложное словосочетание перед этим произнесено на чешском: *us tima kartama*, информант переводит румынское предложное сочетание.

5. В предыдущих примерах информанты использовали заимствования из румынского без каких-либо комментариев. Однако довольно часто собеседники прибегают к метаязыковому комментированию заимствованных лексем и выражений.⁴⁸ Таким образом акцентируется внимание исследователя на конкретном отрезке собственной речи, содержащей иносистемные элементы. Метаязыковые комментарии зачастую обусловлены присутствием лиц, не принадлежащих общине.

Чаще всего метаязыковому осмыслению подвергаются существительные, обозначающие предметы бытовой сферы, современные технические приборы, явления общественно-политической жизни. Двуязычные говорящие осознают, что именно данные лексемы могут быть непонятны собеседнику, который не принадлежит чешской общине в Банате, и стараются подчеркнуть это, найти соответствующий чешский эквивалент или растолковать «проблемное» слово (при этом чешский аналог им может быть не знаком). Информанты обращаются при этом к самим исследователям (*jak vi řeknete* (5.1), *jak tomu žikate* (5.2)), задают себе вопрос, который является маркером незнания иhesitation (*jak se žekne* (5.3)),⁴⁹ признают, что не знают чешский эквивалент (*jak tomu žikaji česki nevím* (5.2)), отмечают, что использованная лексема является по происхождению румынской (*buletin je rumunski* (5.1), *podle rumunščini žeknemte* (5.4)) или спрашивают, знакомо ли исследователям конкретное слово (*víte co to je* (5.5)). Само слово может быть повторено при этом несколько раз: *buletin* в (5.1), *aragaz* в (5.2), *mašina* в (5.4), *salvar(ka)* в (5.5). Метаязыковое комментирование таким образом разрывает их нарратив, уводит в сторону нить повествования, однако затем собеседники возвращаются к теме рассказа. Подобные явления часто возникают в речи многоязычных информантов и являются неотъемлемым явлением в нарративах билингвальных собеседников, особенно в ситуации полуструктурированного интервью. На эти особенности обращал внимание С. Утешены,

Doktor der Philosophie (Dr. phil.). Berlin, 2015, s. 183-184: перенос имен с их падежными аффиксами (аналог предложных конструкций в славянских языках): *što je ružio sportminisztar-rel_{instHU} Srbije*.

⁴⁷ Ср. подобные случаи у Wilhelm, Cs.-A.: Between Simplification and Complexification. German, Hungarian, Romanian Noun and Adjective Morphologies in Contact. In: Journal of Language Contact, 2017, No. 10, s. 67-68; Muysken, P.: Bilingual Speech. A Typology of code-mixing, c. d., s. 104-105.

⁴⁸ См. подробнее Laihonen, P.: Language ideologies in interviews: A conversation analysis approach. In: Journal of Sociolinguistics, 2008, № 12/5, s. 668-693; Gafaranga, J.: Language alternation and conversational repair in bilingual conversation. In: International Journal of Bilingualism, 2012, Vol. 16, No. 4, s. 501-527; Petrović, T.: Srbi u Beloj Krajini. Jezička ideologija u procesu zamene jezika. Beograd: SANU, 2008; Борисов, С. А. – Пилипенко, Г. П.: Дискурсивные практики и метаязыковое комментирование в речи представителей национальных меньшинств Боснии и Герцеговины (на примере славянских сообществ Республики Сербской). In: Јужнословенски филолог, 2020, гоč. 76, č. 2, s. 127-156.

⁴⁹ Так наз. «маркеры апелляции к слушающему», см. Цесарская, А. Е. – Шестопалова, В. И.: Метапоказатели автокоррекции в разговорной речи. In: Вестник Новосибирского Государственного университета. Серия: История, филология, 2017, т. 16, № 9, с. 72-73.

оставив их, однако, без должного внимания: mi říkáme cer česki, šeroň to je valašski (мы говорим дуб по-чешски, [дуб] (от рум. dial. ſeroni, рум. лит. ceroi «дуб») – это по-румынски); jeli po t'ich splávech - tich plútach nebo jak to je (они ехали сплавами – этими [лесосплавами] (от рум. plută «лесосплав») или как их называют); gde se ta mašina mňeňí, tedi vekſluje to příde po německi (где эта машина меняется, то есть [меняется] (от нем. wechſeln – «менять») по-немецки); mi říkáme kule – koleš to uš je po rumuncky (мы говорим kule – «koleš» (от рум. coleašă – мамалыга, похлебка из крупы или бобовых) это по-румынски).⁵⁰ Кроме того, С. Утешены отметил, что такие высказывания явились реакцией информанта на прямой вопрос исследователя. Приводимые примеры из нашего корпуса – естественное развитие нарратива, собеседники сами выбирали моменты для метаязыкового комментирования.

(5.1) A tajte, tohle sem si d'elala tuhle fotku diš sem mn'e(l)a štrnact rokuf, sem si d'elala buletin. Jak vi řeknete, buletin je rumunski, tahlete? Že umite ra- rumunski, buletin je rumunski. (А это, это я делала вот эту фотографию, когда мне было четырнадцать лет, я делала [удостоверение личности]. Как вы говорите, [удостоверение личности] по-румынски, вот это? Вы ведь знаете румынский, [удостоверение личности] – это по-румынски) (Шумица, А.Д.).

(5.2) Ten kiselej sir a z hrncem, ja ničko d'elam nejvic na tomle, jak tomu žikate. Žikame tomu-u, teda aragas, ali jak tomu žikaji česki nevím, aragaž, že jo. (Этот творог, в кастрюле, я сейчас готовлю больше всего на этом, как вы его называете. Мы называем это [газовая плита], но как это называют по-чешски не знаю, [газовая плита], да?) (Шумица, А.Д.).

(5.3) Bilo, že taj(d)le bude koupelka, taj(d)le že budou d'elat baie, jak se žekne. Zatim vodešli, žikají se vikoupame i ve žlabu. (Говорили, что здесь будет ванная, здесь будут делать [ванную], как это сказать. Пока они ушли, говорят, искупаемся и в корыте) (Шумица, А.Д.).

(5.4) A potom teprva se u'd'elala, se rošižila trochu, a prvn'i e-e mašina, kera sem psíjela, to mi žekneme- žekame mašini, podle rumunšt'ini žekneme auta, t'ešk'e auta. (И только потом ее сделали, она расширилась немного, а первая э-э [машина], которая сюда приехала – это мы так говорим [машины], как в румынском говорим машины, тяжелые автомобили) (Эйбенталь, С.Б.).

(5.5) A prsa ho vzali, a potom uš ne mux. Pši(s)jeli pro n'ej takle večer jednu v devit'i hodinax s- ta salvarka. Víte co to je, salvar, keri vozi. (Он почувствовал тяжесть в груди, а потом уже не мог. За ним приехали вечером около девяти, [скорая помощь]. Вы знаете, что это, [скорая помощь], которая возит) (Шумица, И1).

Многочисленные случаи фиксируются и в миноритарных славянских языках на территории Румынии.⁵¹ Используя эти высказывания, информанты подчеркивают, неосознанно, свою локальную идентичность, поскольку для членов сообщества как раз характерно использование румынских заимствований. Следует при этом заметить, что большая часть заимствований остается в нарративах без метаязыкового осмыслиения. Информанты ситуативно выбирают моменты и лексемы, когда считают нужным применить эту стратегию. Конечно, такое комментирование может возникать и в речи монолингвов, нас же интересуют именно случаи столкновения двух языковых систем, когда происходит акцентирование внимания на иноязычных словах.

6. К стратегии дублирования, весьма распространенной в ситуации языкового контакта,⁵² прибегают информанты в случае, если они полагают, что произнесенное слово мо-

⁵⁰ Utěšený, S.: Z druhé výpravy za češtinou v rumunském Banátě, с. d., s. 30.

⁵¹ Ср. также похожие комментарии в карашевской речи жителей села Ябалча: Конёр, Д. В. – Соболев, А. Н.: Особенности неравновесного билингвизма у румыноязычных карашевцев в селе Ябалча, с. д., с. 992.

⁵² См. Gumperz, J. J.: Discourse Strategies. Cambridge: Cambridge University Press, 1982, с. 78.; Wasserscheidt, Ph.: Bilinguale Sprechen. Ein konstruktionsgrammatischer Ansatz, с. д., с. 169.

жет быть непонятно собеседнику (в особенности, если беседа происходит с информантом только на одном языке). Так, в (6.1) собеседница повторяет заимствованный из румынского языка глагол, после чего следует чешский аналог. Любопытен пример (6.6), в котором происходит дублирование не румынской лексемы, а чешской лексемы в составе топонима. Информант дает перевод чешского слова на румынский, тогда как беседа происходит на чешском языке. Отметим, что примеры подобного рода (как в (6.2)) в нашем корпусе встречаются редко. Стратегия дублирования встретилась нам и в румынском высказывании, название молитвы переведено было информантом на чешский язык (см. (1.4)).

(6.1) *Von’i (g)diš skapou <...> mladi u’tikaji tak potom skapou.* (Они когда [убегают] <...> молодые убегают и потом [убегают]) (Шумица, И2⁵³).

(6.2) *Potom mužeš <...> přeložit, a se to menuje Tisove udoli. Udoli to je vale, nevím jak to řeknou vale, a tisa je strom. Tisa je jeden strom (vale – долина). (Потом ты можешь <...> перевести, и оно называется Тисовая долина. Долина – это [долина], не знаю, как сказать [долина], а тис – это дерево. Тис – это такое дерево) (Златица, Л.Б.).*

Практика дублирования в идиомах славянских миноритарных сообществ Румынии известна повсеместно. Ср. в русском языке липован: а как возьмешь с ведра, уже початая вода – ну *мердже*, не пойдёт (Мила 23 – Сулина);⁵⁴ в украинском языке Добруджи: кладем петрушки, кладем кропу, кладем *лео’шт’ану* (л’убисток jak сказать) (Кришан).⁵⁵ Перевод (дублирование) с карашевского на румынский и наоборот также часто используется; информанты прибегают к нему для того, чтобы представить информацию исследователю в наиболее доступном виде.⁵⁶

7. Информанты воспроизводят целые сегменты высказывания на румынском языке. В следующих примерах речь идет о цитировании:⁵⁷ информанты передают слова, произнесенные в реальной ситуации общения румынами по-румынски ((7.1), (7.2), (7.3)). Румынским высказываниям обычно предшествует глагол говорения, сигнализирующий таким образом о цитации и предстоящем переключении кода.⁵⁸ Цитирования чужой речи оформлены как прямая речь (7.2), а также как косвенная речь при помощи *že* (7.1), (7.3). В (7.1) и (7.2) появление цитат на румынском обусловлено самой темой нарратива: собеседница рассказывает о народных традициях и поверьях румын: в (7.1) говорится о предсказании погоды на каждый месяц в году по двенадцати луковицам, в (7.2) – о вере в ходячих покойников.⁵⁹ В (7.3) воспроизводятся слова рабочего. В этих же отрывках имеется указание на принадлежность высказывания именно румынам (*von’i řikali ... rumunski* (7.1), *on’i valaši ... řikaji* (7.2), *řek ten valax* (7.3))), что отчасти призвано объяснить включение румынского фрагмента в чешский нарратив. Отметим, что эти фразы приводятся только на румынском, за ними не следует пояснение на чешском.

(7.1) *Ne, von takle se sejde, v- von’i jezd’ej. Tadi maji pole mezi námi. A uš tadi jsou n’ekere vos- bidlej teda. Koupili si baráki n’ekeri. A tak von’i řikali, že are sā vine ploie, rumunski.* (Нет,

⁵³ Жен., ок. 80 лет.

⁵⁴ Плотникова, А. А.: Славянские островные ареалы: архаика и инновации, с. д., с. 97.

⁵⁵ Павлюк, М. – Робчук, І.: Українські говори Румунії, с. д., с. 575.

⁵⁶ Конёр, Д. В.: Лексика свадебной обрядности..., с. д., с. 63.

⁵⁷ Подробнее о цитировании на примере устных корпусов диалектной, билингвальной и разговорной монолингвальной речи см. Перехвальская, Е. В.: Репортативная речь в удэгейском языке и шире. In: Вопросы языкоизучания, 2020, № 1, с. 84-103; Benić, M.: Prepričavanje diskursa na primjeru osječkoga govora. In: Rasprave. Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovje, 2018, 44/1, с. 1-55; Борисов, С. А. – Пилипенко, Г. П.: Чешско-сербско-румынские языковые контакты в румынском Банате на материале полевого исследования. In: Вестник Томского государственного университета, 2020, № 459, с. 15-26.

⁵⁸ Само переключение кода понимается как чередование языков в процессе общения, см. Matras, Y.: Language contact, с. д., с. 101.

⁵⁹ Рум. *muroi, moroi* (URL: <https://dexonline.ro/definitie/moroi /definitie/moroi> (Дата обращения: 12.01.2021)).

они так собираются, они ездят. У них здесь поля рядом с нашими. А некоторые уже здесь остались, живут. Купили дома некоторые. И так они говорили, что [будет дождь], по-румынски) (Сфынта-Елена, А.С.).

(7.2) On'i valaši maji strax. On'i řikaji: „Muroni, vine muroniu!”, ne. Panebože. (Они, валахи, боятся. Они говорят: [«Морой, идет морой»]. Господи) (Сфынта-Елена, А.С.).

(7.3) No tak to ženou, n'ički to ženou tale tadi, aš tamtadi aš ke krxovu, u krxova, a vot krxova dolu to poženou do ti vesnice, do tancut', a pak až do Anini. Tak to im bude trvat, řek ten valax, že mai durează doi trei ani, neš to pšecko pod'ilej. (Ну так они прокладывают (электричество), они сейчас прокладывают вот здесь, потом туда к кладбищу, у кладбища, потом будут тянуть вниз до той деревни, туда, а потом до Аини. И это у них займет, этот валах сказал, что [длится два-три года], пока они будут это все делить) (Шумица, И1).

Примеры с переключением кода при цитировании на румынском встречаются и в других славянских языках на территории Румынии. Ср. нарративы из Добруджи, записанные от липован: Он же поп, по-рамынски. “*Do-omne miluește, Do-omne miluește*” [рум. Doamne miluiește, Господи помилуй] (Каркалиу⁶⁰); Я его не почитаю. Они говорют: “*Primiți cu colindul?* [Примите с колядой?]” (Черкесская Слава, 2006⁶¹); в украинских говорах Добруджи: А потом прошло полчаса – приб’яре: “*Babo, spui adevărat, cum este copilul?* [скажи правду, как ребенок]” (Килия Веке⁶²); в языке карашевцев: И су му рěкли ти колегę ис.. тамо... фабрикę, што вели ч’ё: “*Ești prost, dacă ai doi copii – să-ți poarte unul numele* [Ты глуп, если у тебя двое детей, пусть один из них носит имя]”.⁶³

8. Переключение кода может быть обусловлено не только цитациями, но также ориентацией на собеседника, за которым в коммуникации закреплен один из языков.⁶⁴ В (8.1) собеседница в середине нарратива переходит на румынский язык, в этой части она повторяет содержание своей предыдущей фразы, произнесенной на чешском. Переход обусловлен ориентацией на исследователей, с одним из которых один говорила по-чешски, а с другим – по-румынски. Этот повтор важен, поскольку таким образом собеседница стремится донести информацию до всех присутствующих. Само переключение происходит на слове *penzie*,⁶⁵ повторенном несколько раз, что маркирует границы смены кода. Именно на этом слове происходит переход на румынский язык, так как данная лексема заимствуется из румынского языка в чешский. Обратный переход на чешский язык следует после паузы без дополнительных коммуникативных маркеров.

В Златице общение с информантами происходило похожим образом: один исследователь говорил с Л.Б. на чешском, другой – на румынском. В (8.2) Л.Б. объясняет, как найти собеседника, проживающего в городе Молдова-Ноуэ. Начато высказывание на чешском языке, в середине имеется довольно продолжительный отрывок на румынском, который вводится при помощи дискурсивного румынского маркера *deci* (см. 2.). За ним следует подробное объяснение, после чего происходит возвращение к чешскому языку. Момент возвращения – упоминание топонима, города Молдова-Ноуэ – очень удобный, поскольку это название общее для румынского и чешского языков и понятно без перевода и дополнений.

⁶⁰ Плотникова, А. А.: Славянские островные ареалы: архаика и инновации, с. д., с.105.

⁶¹ Там же, с. 107.

⁶² Павлюк, М. – Робчук, І.: Українські говори Румунії, с. д., с. 552.

⁶³ Радан, М.: Фонетика и фонология карашевских говоров данас, с. д., с. 274.

⁶⁴ Ср. addressee-based language choice (Matras, Y.: Language contact, с. д., с. 45).

⁶⁵ А. Фрнохова фиксирует слово *penzi* в языке чехов Шумицы: ср. рум. pensie – пенсия (в цитируемой работе ошибочно указанная форма румынского слова – *pensi* (!)): Frnochová, A.: Jazyk české menšiny v obci Šumice v rumunském Banátě, с. д., с. 87.

тельных объяснений. При этом в чешской части нарратива повторяются последние слова румынского высказывания, т.е. использована стратегия дублирования именно в момент переключения на чешский (*e oraș micuț Moldova, je malinka*). Во время произнесения данной фразы Л.Б. обращалась к исследователю, с которым она говорила на чешском языке, по-чешски, тогда как с исследователем, с которым до этого шел разговор на румынском, следовало обращение по-румынски, т.е. языки были функционально закреплены за каждым исследователем, а Л.Б. адаптировала свои коммуникативные стратегии. Присутствие исследователя и его поведенческие и лингвистические стратегии несомненно влияют на выбор языка общения.⁶⁶

(8.1) A von potom bil sam. <...> tak sem furt říkala už n'ički bi si moh vijt na penzi že penzi, penzi de boală ar fi avut copilu meu ... și treizeci de ani o facut, tadicé jazd'i z mo'torkou mn'el mo'torku až do Lapušničelu každej den i v zimn'e. (А потом он был один. <...> я ему все время говорила, что теперь он мог бы уже выйти на пенсию [пенсия по болезни была бы у моего сына, и у него стаж тридцать лет], он здесь ездит на мотоцикле, у него был мотоцикл, до самого Ларушничела каждый день, и зимой тоже) (Шумица, И1).

(8.2) Ta paní (имя), ta vám toho nejvíce, vona ma i takhle velky kníški pořádní, a vo fšech vesnicích a vo fšem vám řekne, deci spitalul, este drumul și peste drum este un bloc, deci nu intră(ji) în asta, urcăți niște scări și imediat, întrebați, este acolo un chioșc, și întrebați doamna (имя), toata lume-, e oraș micuț Moldova, je malinka, a vama vám potom řeknou. (Эта госпожа (имя), она вам об этом больше всего, у нее есть вот такие большие книжки серьезные, и о всех деревнях и обо всем вам расскажет, [итак, больница, дорога, и через дорогу находится жилой дом, но вы не входите внутрь, поднимаетесь по ступеньками и тут спрашиваете, там есть киоск, и спрашиваете госпожу (имя), все знают, маленький город] Молдова, маленькая, и вам потом скажут) (Златица, Л.Б.).

9. Чешский язык может быть усвоен как L2 румынами, если они оказываются в чешской среде. Чаще всего это женщины, вышедшие замуж за чехов и переехавшие в гомогенные чешские села. Естественно, что происходит усвоение той диалектной разновидности, которая распространена в данном чешском сообществе. В примере (9.1) собеседница рассказывает о приобретенном знании чешского языка, который она выучила на слух в общении с членами семьи мужа, с детьми.

(9.1) No ale uš mám e štířicet jedna let co sem tadi na Helen'e-e. Tak jako sem se naučila, ne, ne jako dobže česki, ale si porozumíme <...> Doma co sem slišela, doma u pan'ímama s pantatou, jako si mluvili česki mezi sebou, a vidž'ela⁶⁷ sem, že jako se poslali po n'ičeho, n'ejaki vjeci, a druhí den sem vidž'ela další ti vjeci, že de pro to. A tak sem si sama-a tak zvikla. A pak diš sem mn'ela dž'eč'i, tak ve škole dž'eč'i, diš pšišli domu tak zase i z d'etma-a. A tak sem se naučila. (Ну, я уже сорок один год как здесь, в Сфынта-Елене. Так как-то я выучила (чешский), не то чтобы хороший чешский, но понимаем друг друга <...> Дома, что слышала, дома

⁶⁶ Морозова, М. С.: Парадокс исследователя на Балканах: переключение кодов у билингвальных информантов при интервьюировании. In: Балканский тезаурус: Взгляд на Балканы извне и изнутри. Балканские чтения 14. Тезисы и материалы (18–20 апреля 2017), 2017, с. 137–143; Климова, К. А.: Переключение кодов в речевом поведении помаков Ксанти (Северная Греция). In: Балканский тезаурус: коммуникация в сложно-культурных сообществах на Балканах. Москва, 2019, с. 102–107.

⁶⁷ Наличие ассимиляции типа dž'e < d'e; č'i < t'i – результат переноса фонетических правил из банатского диалекта румынского румынского. Ursan, V.: Despre configurația dialectală a dacoromânei actuale. In: Transilvania, 2008, I, s. 83. Об ассимиляции в языке чешской общины в сербском Банате см. Utěšený, S.: O posrbsk'ování kruščické češtiny v jugoslávkém Banátě. In: Naše řeč, 1970, roč. 53, č. 3, s. 140. Похожее явление отмечено в чешском языке в сербском и хорватском окружении под влиянием этих языков.

у матери и отца мужа, как они говорили по-чешски между собой, и я видела, когда кого-то за чем-то посылали, за какими-то вещами, а на следующий день я видела другие вещи, как идут за ними. А так я и сама привыкла. А потом, когда у меня появились дети, то дети в школе, а когда пришли домой, тогда и с детьми. И вот так я выучила) (Сфынта-Елена, Е.⁶⁸).

В (9.2) Е. рассказывает о румынском обычаях встречать весну 1 марта (*Mărțișor*) и также упоминает подарки, которые дети дарят учительницам 8 марта. Здесь отражены диалектные черты приобретенного языка. Протетический *v*- перед *o* (*vosmeho*) и окончание *-ej* на месте долгого *-í*, орфогр. *-ý*, (*n'ejakej*) указывают на то, что в основе данного языкового варианта (который используется в семье мужа собеседницы и в Сфынта-Елене вообще) лежат собственно-чешские говоры.

(9.2) *Vosmeho tak taki n'ejakej dárek, to uš jako ne ten mărțișor, al zase je n'ejakej dárek, n'eco se dava.* (Восьмого тоже какой-нибудь подарок, это уже не [мэрцишор], но все равно какой-нибудь подарок дарят) (Сфынта-Елена, Е.).

Естественно, что и в ситуации усвоения чешского языка румынами встречаются метаязыковые комментарии, чаще всего в случае коммуникативных неудач. В (9.3) проблема возникла при поиске чешского аналога для румынского слова *deochiat* (причастие от глагола *deochia* – сглазить), однако затем подходящая лексема была найдена и коммуникативная неудача разрешилась благополучно (о чем свидетельствует смех в конце высказывания).

(9.3) <gdiš se> pod'ivava špivje, ale ti ja nevím, rumunski žikaji e *deochiat*. *Deochiat* rumunski, ale tej česki ja nevím, u(h)ranutej, protože tak kdiš si spomenu, vite jak to je (смех). (<когда> посмотрит нехорошо, но я не знаю, по-румынски говорят [его сглазили]. [Его сглазили] по-румынски, но по-чешски я сейчас не знаю, его сглазили, я ведь так, когда вспомню, знаете, как это бывает) (Сфынта-Елена, Е.).

Дальнейшее исследование языковой компетенции в чешском языке у румынских женщин, вышедших замуж за чехов и проживающих в чешских селах Баната, представляется перспективной темой.⁶⁹ В ходе полевого исследования нам встретились всего две такие собеседницы (в селах Сфынта-Елена и Златица), однако по всей видимости, подобные браки были нередки в прошлом и не являются исключением в наши дни. Отметим, что работ по этой проблематике до сих пор не существует.

10. Чешско-румынский билингвизм в Банате повсеместно распространен среди представителей чешской общины. За два века существования чешских переселенческих говоров в окружении румынского языка в речь информантов проникли многочисленные контактные элементы: дискурсивные маркеры, существительные, прилагательные, глаголы. В большинстве своем эти элементы адаптируются к принимающей фонетической и морфологической системе (ср. образование глаголов от инфинитивной основы). Однако многие явления,ственные славянским языкам, которые находятся в контакте с румынским на протяжении многих столетий, до сих пор не фиксируются в чешском языке (напр., румынская частица *mai* активно используется для образования превосходной степени сравнения прилагательных в украинских говорах (в том числе и за пределами Румынии: *mai cíl'ni*⁷⁰). По всей видимости, степень конвергентного взаимодействия чешского и румынского языков еще не находится на таком уровне, который отмечается для непереселенческих (автохтонных) славянских языков

⁶⁸ Жен., ок. 60 лет.

⁶⁹ Брачные стратегии жителей черногорско-албанского пограничья является главным фактором при развитии билингвизма в некоторых общинах: Морозова, М. С. – Русаков, А. Ю.: Черногорско-албанское языковое пограничье: в поисках «сбалансированного языкового контакта. In: Slověne, 2018, Vol. 7, № 2, s. 258-302.

⁷⁰ Павлюк, М. – Робчук, І.: Українські говори Румунії, с. д., с. 65.

на территории Румынии, чему могла способствовать географическая изоляция румынских сел, а также принадлежность румынского языка другой языковой семье. Находящиеся в контакте с сербским языком чешские говоры в Сербии, напротив, за такое же количество времени заимствовали материальную оболочку (matter borrowing) и функциональные особенности сербских грамматических элементов (ср. конструкции с *da*),⁷¹ что, вероятно, связано с близкородственным характером контактирующих языков.⁷² С другой стороны, многочисленные факты переключения кода, метаязыкового комментирования, дублирования лексем и высказываний (впервые рассмотренные на материале чешских говоров румынского Баната) свойственны всем славянским общинам Румынии. Перспективным для изучения представляется языковая компетенция румынских женщин, вышедших замуж за чехов и переселившихся в чешские села. Ими чешский язык усваивается в устной форме как L2, впоследствии он становится доминантным языком во внутрисемейной сфере общения.

Czech-Romanian language contacts in the Romanian Banat (on the example of field research data)

Sergey A. Borisov – Gleb P. Pilipenko

The paper deals with the cases of language contacts that were elicited from the narratives recorded during a field research in the Romanian part of the Banat. The influence of the Romanian language on Czech language is analyzed. The discourse markers, borrowed nouns and verbs, metalinguistic comments, self-repair cases, reiterations, code switching when quoting are discussed. For the first time in the issue of Czech-Romanian language contacts a group of Romanians who speak Czech (daughters-in-law in Czech families originated from Romanian villages) is described. The authors come to the conclusion that the borrowing of Romanian grammatical indicators does not occur, due to the isolation of Romanian homogeneous settlements in the past, the belonging of the Romanian language to another language family, as well as due to the relatively late migration of Czechs to the Banat.

⁷¹ В говорах хорватских чехов в кондициональных конструкциях с условным значением происходит а) замена чешского элемента *kdbí* (в станд. орф. *kdyby*) союзом *da*: *Da toho bilo víc, tag bisme to nemohli vopsloužit* («Если бы этого было больше, то мы бы не смогли это обслужить (обработать)»; ср. чеш. *Kdyby toho bylo víc...*), либо б) замещение ее *da*-конструкцией с калькированием синтаксиса (*da* + глагол в наст. вр.): *Da ti to máš plat'it, já nevím, jag bis to...* («Если бы ты должен был за это платить, я не знаю, как бы ты это...»; ср. чеш. *Kdybys to měl platit...*) (Mirković, D.: Govor Čehů u Slavoniji. Beograd, 1968, s. 314). Вытеснение конструкций с *kdbí*-конструкциями с *da* также отмечает С. Утешены у жителей чешской общины с. Крушница в Сербии: *Da neňi prskano, ňic ni nebilo platni* («Если бы это не было опрыскано, то ничего бы не помогло»; ср. *Kdyby nebylo prskáno...*). В речи представителей этой же общины он также выделяет употребление конструкций с *da* в сочетаниях со значением цели, где в чешском языке употребляется кондициональный элемент *abi* (в станд. орф. *aby*): *pojte da vid'ite* («идите и посмотрите» (досл. «идите, чтобы посмотреть»); ср. *pojd'ite, abyste (u)viděli*), а также конструкций типа *lepši da níkam nejel* («лучше бы он никуда не ездил» (досл. «не ехал»); ср. *raději neměl nikam jezdit*) (Utěšený, S.: O posrbském kruščické češtine v jugoslávském Banátě, c. d., s. 143). В нашем корпусе интервью, которые были записаны в чешских общинах в Сербии в 2013–2015 гг. были также зафиксированы случаи замещения инфинитивных сочетаний конструкциями *da* + глагол в наст.вр.: *nen'i to dobrí da d'ela* («это не хорошо делать»; ср. *není to dobrý dělat*), *slišel [sem], že mladí nesměli da dou sami ta ti tanci* ([я] слышал, что молодые не могли идти одни на эти танцы»; ср. *slyšel jsem, že mladé nesměli jít sami na ty tance*).

⁷² Аналогичный показатель в румынском языке (*să*) не переносится в чешские говоры Румынии.